

ЭПИЗОД 21: НАУКА И ДИПЛОМАТИЯ ДЛЯ ГЛОБАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ

Данная стенограмма была подготовлена с помощью программы транскрипции Trint и отредактирована сотрудниками TDR. Всемирная организация здравоохранения не несет ответственности за точность транскрипции.

Garry Aslanyan [00:00:08] Здравствуйте и добро пожаловать в финальный эпизод второго сезона подкаста Global Health Matters. Я ваш ведущий, Гарри Асланян. В течение второго сезона мы провели обсуждения с 20 гостями из 15 стран на самые разные темы: здоровье мигрантов, коррупция и карьерный рост в сфере здравоохранения во всем мире. Мы с TDR очень рады объявить, что благодаря сильной поддержке со стороны вас, наших слушателей, наш третий сезон начнется в апреле этого года. Я в восторге от этой новости. В ближайшие месяцы мы представим вам еще больше интересных тем и вопросов в области глобального здравоохранения, требующих размышлений, дискуссий и дискуссий. Не могли бы вы оказать мне большую услугу перед началом шоу? Нажмите кнопку «ПОДПИСАТЬСЯ» или «ПОДПИСАТЬСЯ» в приложении для подкастов, и вы никогда не пропустите ни одной серии.

Garry Aslanyan [00:01:06] В этом выпуске мы обсуждаем роль научной дипломатии в глобальных действиях в области здравоохранения. Эта тема близка моему сердцу, поскольку я воочию убедился в том, как научная дипломатия способствовала развитию общественного и глобального здравоохранения в нескольких областях. Как вы услышите от гостей этого выпуска, научная дипломатия способствует международному сотрудничеству и решению геополитических проблем. Чтобы обсудить эту тему, ко мне присоединились Илона Кикбуш и Аида Менсия Рипли. Илона является директором-основателем Глобального центра здравоохранения при Высшем институте в Женеве и авторитетным экспертом в области глобальной дипломатии в области здравоохранения. Аида является проректором по исследованиям и инновациям в Ибероамериканском университете в Доминиканской Республике. Она поделится подробным примером того, как дипломатия помогла университету внести свой вклад в борьбу с COVID-19 на национальном уровне. Привет, Илона! Привет, Аида.

Aída Mencía Ripley [00:02:20] Привет.

Iloná Kickbusch [00:02:21] Привет. Здравствуй.

Garry Aslanyan [00:02:22] Спасибо, что присоединились к нам сегодня. Итак, давайте начнем, Илона и Аида, с того, как вы поделитесь опытом своей карьеры, когда наука и дипломатия дополняли друг друга в достижении цели или изменении ситуации?

Iloná Kickbusch [00:02:35] Что ж, спасибо за это. И, конечно, в глобальной дипломатии здравоохранения существует очень много ситуаций, когда наука и фактические данные абсолютно необходимы для продвижения вперед. Но вопрос, который действительно волнует меня, — это Рамочная конвенция по борьбе против табака. В течение долгого времени ВОЗ стремилась заключить международное соглашение по регулированию табака, но добиться прогресса в этом направлении было очень сложно, несмотря на многочисленные исследования и имеющиеся фактические данные. А затем произошел настоящий прорыв в научных данных, связанных с пассивным курением и его воздействием на детей. И эти данные и доказательства действительно существенно повлияли на начало переговоров. Итак, в сфере здравоохранения важно знать, что что-то опасно, знать, что для этого нужны нормы, знать, что для этого нужно международное соглашение, но пока не все на стороне; вы действительно можете добиться прорыва,

когда появится определенная информация, а затем вывести переговоры на новый уровень, чтобы предотвратить вред.

Garry Aslanyan [00:03:57] Отличный пример. Аида, каков твой опыт в этом отношении?

Aída Mencía Ripley [00:04:01] Для нас в UNIBE пандемия COVID. Как вы знаете, в небольшой стране Карибского бассейна мы смогли использовать научную дипломатию, чтобы навести мосты и предоставить стране некоторые ранние данные о секвенировании COVID, например, секвенировании генома. На самом деле мы были одной из первых стран в регионе, которая смогла сделать это благодаря некоторым из этих международных коллабораций, и затем мы смогли использовать эту информацию, поскольку некоторые из наших старших ученых входили в состав Консультативного совета по борьбе с коронавирусом. Таким образом, мы смогли относительно быстро перенести все из лаборатории в государственную политику и, конечно же, сотрудничать с государством в принятии национальных мер по борьбе с COVID-19.

Garry Aslanyan [00:04:42] Отличный пример для вас обоих. Илона, если мы рассматриваем текущие проблемы, то в глобальном здравоохранении мы имеем дело с исследовательской дипломатией. Они могли бы объединиться, чтобы внести вклад в достижение глобального здравоохранения. Как еще мы можем это объединить?

Iona Kickbusch [00:04:59] Что ж, Гарри, наука и фактические данные очень важны, потому что многие глобальные проблемы здравоохранения также зависят от идеологии. Поэтому возможность объединиться и создать глобальный консенсус также означает, что мы должны преодолеть идеологию и получить действительно хорошие данные. И мы видим это на протяжении многих лет, особенно в вопросах, связанных с сексуальным здоровьем в самом широком смысле этого слова. Если вы думаете о ВИЧ/СПИДе, о многих международных соглашениях, доступе к лекарствам и т. д. для стигматизированных групп людей это стало возможным только благодаря научным данным. Многие из этих вопросов, которые мы обсуждаем на глобальном уровне, где страны имеют совершенно разные культурные, идеологические, религиозные корни, нуждаются в убедительных доказательствах и научных данных для достижения дипломатического консенсуса. Поэтому я думаю, что, в частности, проблемы также связаны с равенством, где мы можем показать, какие группы относятся к уязвимым группам. Почему они уязвимы? Почему нам нужно определенным образом сосредоточиться на определенных вопросах, чтобы охватить эти уязвимые группы? Зависят от науки и фактических данных. И это, конечно, касается не только медицинских доказательств, потому что часто, говоря о науке, Гарри, мы имеем в виду медицину, вирусологию и все такое, как недавно во время COVID-19, но не менее важны поведенческие науки, политические науки, в некоторых случаях даже география и другие вещи, которые нам необходимо лучше понять, чтобы прийти к единому мнению о мерах реагирования на здоровье.

Garry Aslanyan [00:06:54] Это отличные моменты. В дополнение к этому, насколько мы успешны в этих сложных вопросах? Какова сейчас тенденция к более деликатным вопросам и их урегулированию дипломатами? А также почему эта важнейшая роль немедицинской науки все еще отстает, а ее роль или использование, возможно, отстают, или, по крайней мере, существует мнение, что это отставание.

Iona Kickbusch [00:07:28] Прежде всего, я думаю, мы должны сказать, что сейчас мы находимся в сложной ситуации. Во время пандемии COVID-19 мы видели, что, возможно, Аида тоже хочет добавить сюда кое-что: убедить людей, в том числе политиков, в том числе политиков, в необходимости определенных подходов было очень сложно. И мы оказались в ситуации, когда доверие к науке и к разработке политики не так сильно, как

10 или 20 лет назад. Так что нам действительно нужно поработать над этим доверием. Нам нужно работать над повышением медицинской грамотности. Нам необходимо работать над повышением научной грамотности как населения в целом, так и политиков и дипломатов. И крайне важно, чтобы дипломаты по мере обучения все больше и больше разбирались в науке, потому что речь идет не только о здравоохранении, но и, например, о климатологии. Кроме того, наука о климате снова и снова подвергается сомнению. И, конечно, климат оказывает значительное влияние на здоровье. Так что это будет один из ответов на первую часть вашего вопроса. Мы переживаем критический момент, а кое-что еще сложнее, в том числе потому, что мы видим, что голоса из стран, которые, например, не признают права женщин, звучат все громче. И мы видим, что достичь консенсуса в отношении женщин и сексуального и репродуктивного здоровья и прав становится все труднее. И в этом контексте мы получаем очень странных товарищей по постели. Ваш другой вопрос о поведенческих, социальных и политических науках — постоянная проблема, связанная с атипичной пневмонией, Эболой, оспой обезьян и так далее. Есть знания, есть эксперты в том, как общаться с сообществами, понимать культуру, но доминирование медицинских наук все еще очень велико, и безумная идея о том, что любая социальная наука слаба, мягка. Знаете, некоторые называют это науками о мягких науках, как будто эти науки не принесли в таблицу невероятно достоверных данных, которые могли бы изменить ситуацию к лучшему. Приведу лишь один пример: доверие, доверие к правительству, институтам, доверие к окружающим, соседям, сообществу — это один из главных факторов борьбы с COVID-19, успешного противодействия COVID-19. Теперь это достоверные данные. На основе этих данных, основанных на доверии, мы увидели, что жизнь и смерть зависят друг от друга, и именно к этим вопросам мы действительно должны серьезно относиться, говоря о науке.

Aída Mencía Ripley [00:10:23] Я просто хотела добавить к этому несколько мыслей. Я полностью согласен. Я думаю, что глобальное здравоохранение на данный момент полностью переориентировано на медикаментозное лечение, и я думаю, что некоторые нюансы, связанные с социальными и поведенческими науками, имеют решающее значение, потому что у нас есть наука и меры вмешательства, но нам нужно уметь понимать социально-экономический и политический контекст людей, чтобы идти навстречу людям, особенно когда мы просим их внести серьезные изменения в свой образ жизни, как это было во время пандемии. Одно из наших исследований в начале пандемии, по совпадению, также было связано с проблемой доверия. Мы обнаружили, что доверие к государственным учреждениям напрямую связано с симптомами психического здоровья у людей. Таким образом, степень беспокойства, которое они испытывали в связи с вирусом и способностью справиться с ним, была тесно связана с тем, насколько они могли доверять нашим государственным учреждениям в борьбе с ним. Поэтому я думаю, что нюансы, которые привносят социальные, поведенческие и политические науки, имеют решающее значение. И, как говорила Илона, особенно в вопросах прав женщин и репродуктивных прав женщин, эти культурные контексты приобретают все большее значение для того, чтобы мы могли донести до всех достоверную науку.

Garry Aslanyan [00:11:40] Если я смогу остаться с тобой, Аида. Вы упомянули о том, как усилия научной дипломатии помогли Доминиканской Республике бороться с COVID. Я хочу узнать больше о том, какова была роль университета, какую важную роль сыграли вы и как именно это произошло. Я знаю, что многие из наших слушателей работают в академических кругах.

Aída Mencía Ripley [00:12:00] Наш университет с самого начала был ориентирован на международный уровень, поэтому у нас всегда были очень тесные отношения с дипломатическим корпусом в стране. И в самом начале пандемии мы полагались не только на нашу исследовательскую программу, но и, конечно, на академические программы, вынуждены были выходить в Интернет и так далее, но мы сразу же начали стучаться в двери международных дел, чтобы взглянуть на наших партнеров и посмотреть, где мы могли бы сотрудничать. Это включало в себя использование этих взаимосвязей, а также использование преимуществ более прямых отношений между исследователями. Наше посольство, например, в Италии, принимало очень и очень активное участие. Там мы использовали свои сильные стороны, наладив тесные отношения с дипломатическим корпусом страны, и вывели эти беседы на дипломатический уровень. Мы никогда этого не делали и, конечно, не так агрессивно, как во время пандемии. Но мы действительно чувствовали, что нам нужно работать в рекордные сроки и, конечно, по дипломатическим каналам, чтобы найти нужных людей в нужное время, что, к счастью, мы и сделали. Кроме того, эти отношения сыграли решающую роль в расширении нашего исследовательского и клинического потенциала. Так что на самом деле мы смогли, и на самом деле мы были единственным университетом, который проводил тестирование на COVID в разгар пандемии. Поэтому в то время, когда нам действительно требовалось больше ресурсов для удовлетворения национальных требований к тестированию, мы смогли подключиться к публичной сети лабораторий. Но именно в этом и заключался механизм, и мы работали над ним напрямую по дипломатическим каналам.

Garry Aslanyan [00:13:43] Таким образом, пандемия дала вам возможность действительно делать то, чего вы, возможно, не планировали делать или не планировали... Илона, то, о чем только что рассказала Аида, действительно свидетельствует о необходимости этих отношений и о том, насколько они важны. Можете ли вы посоветовать ученым, как они могут наращивать потенциал для улучшения научного сотрудничества, глобального сотрудничества и связей с этим дипломатическим миром?

Iiona Kickbusch [00:14:16] Что ж, Гарри, я думаю, что за последнее десятилетие научное сотрудничество действительно расширилось в геометрической прогрессии. И во время COVID-19 многое из этого было замечено, а также то, что некоторые из привычных подходов к публикации результатов и т. д. значительно изменились. Знаете, новые методы ранней публикации, рецензирования и т. д. Что не было сделано в той степени, в какой это должно было произойти, так это междисциплинарный подход. Конечно, несмотря на тесное сотрудничество между медицинскими науками, вирусологами, эпидемиологами и т. д., привлечение консультативных органов, созданных международными организациями и странами, интеграция социальных, поведенческих и политических наук осуществлялась очень редко. Поэтому этот опыт не был использован в достаточной степени, и я надеюсь, что коллеги по медицинским наукам лучше поняли, насколько это необходимо. Просто подумайте о влиянии ложной информации и инфодемии — области, в которой социальные науки действительно нужны. Думаю, еще одна вещь, которую пришлось изучить многим ученым во время пандемии, заключалась в том, как на самом деле общаться с политиками, широкой общественностью и средствами массовой информации? И поэтому, как вы знаете, нам приходится разговаривать друг с другом как с учеными, бросать друг другу вызов, говорить, почему бы не взглянуть на это с другой стороны и т. д., что может сильно дезориентировать, например, широкую общественность или политика, которому необходимо принять решение. Поэтому нам нужно начать понимать, как мы общаемся, продолжая постоянно бросать вызов себе и друг другу. Здесь появился новый уровень прозрачности и дискуссий, что абсолютно необходимо, а сейчас, как мы уже говорили ранее, доверие к науке снизилось, и поэтому я думаю, что каждый ученый несет ответственность, а каждый

университет несет ответственность за реальную работу с общественностью не только во время кризисов, но и в целом с обществом, школами, парламентариями, диалогом по научным вопросам. И это, конечно, как отметила Аида, на международном уровне будет означать, что ученые, занимающиеся вопросами глобального здравоохранения, также будут регулярно контактировать с дипломатами своих стран, чтобы консультировать их. Если я думаю, вы знаете, что в этом году в ООН было много крупных переговоров, связанных со здравоохранением, пандемиями, всеобщим медицинским обслуживанием, туберкулезом, я думаю, было бы хорошо, если бы участвующие в переговорах дипломаты знали о доказательной базе этих переговоров, но это делалось недостаточно систематически. Поэтому ученым следует настаивать на этом, а не только ждать, пока их пригласят за стол переговоров.

Garry Aslanyan [00:17:54] Немного переключимся на то, о чем вы написали статью, Аида. В 2021 году в *Frontiers* вы и ваши коллеги аргументируете необходимость деколонизации научной дипломатии. С какими трудностями сталкиваются страны Юга в своих дипломатических усилиях и отличаются ли они друг от друга и какую роль в этих усилиях могло бы сыграть, скажем, сотрудничество по линии Юг-Юг?

Aída Mencía Ripley [00:18:23] Думаю, одна из проблем заключается в том, что мы продолжаем уделять приоритетное внимание сотрудничеству между Севером и Югом, и многие источники финансирования требуют таких отношений, и я думаю, что это невольно заставило нас игнорировать сотрудничество по линии Юг-Юг. Но программ финансирования сотрудничества Юг-Юг не так много, поэтому вы, естественно, вписываетесь в предыдущее сотрудничество между Севером и Югом, и это нормально, и это здорово, но это не должно быть единственным способом нашего взаимодействия. И я думаю, что в этом смысле некоторые из этих отношений, и именно поэтому мы говорим о деколонизации научной дипломатии, складываются очень похожим образом. Она имеет очень похожую структуру помощи. Авторство и более сложные работы возглавляют страны Глобального Севера, а наши страны в большей степени выступают в роли исследовательских центров. Думаю, это кое-что нужно изменить. Я думаю, что международные рейтинги также оказывают неоправданное давление на отношения между Севером и Югом. Опять же, я думаю, что университеты Глобального Юга должны быть более целенаправленными в своей политике, чтобы уделять приоритетное внимание сотрудничеству по линии Юг-Юг. Думаю, в какой-то момент потребуется также создать некоторые программы финансирования сотрудничества по линии Юг-Юг. Но я думаю, что именно в этом и заключается основное давление. Во время наших бесед с дипломатами во время пандемии было интересно, что многие из них на самом деле были очень рады, что смогли поехать в страны, где они работают дипломатами, и обсудить сотрудничество с нашей страной на более равных условиях с академическими учреждениями. Поскольку мы громко говорили о том, чем занимаемся в науке, они решили, что могут сесть за стол переговоров и договориться о более равных условиях. Поэтому я определенно согласна с Илоной в том, что исследователям и академическим кругам нужно не ждать приглашения, а занять свое место за столом переговоров.

Garry Aslanyan [00:20:33] Вероятно, среди ученых существует множество заблуждений или есть своего рода барьер в том, как на самом деле войти в этот дипломатический мир, что, например, поможет сотрудничеству по линии Юг-Юг. Безусловно, необходимо развеять эти мифы и продвигать этот подход. Спасибо за размышление, Аида. Илона, пандемия в целом стала, как вы сказали, прекрасной возможностью для солидарности, научного сотрудничества. Если задуматься о пандемии и заглянуть в будущее, какова роль науки и научной дипломатии?

Iлона Kickbusch [00:21:13] Аида отметила некоторые из этих вещей, что, прежде всего, необходима сильная поддержка исследовательских, академических и научных

учреждений, поскольку они не всегда одинаковы. Знаете, подумайте о лабораториях и многом другом. Например, подумайте о сильных центрах CDC по контролю за заболеваниями. Поэтому для этого необходима поддержка международных организаций и источников финансирования. Она нуждается в двусторонней поддержке как по линии Север-Юг, так и по линии Юг-Юг, но она также нуждается в поддержке внутри стран. Но дело не только в государственной сфере, в том числе в государственных университетах или государственных центрах по контролю за заболеваниями и тому подобное. Существует также, конечно, необходимость поддержки, как мы слышали, производственных центров. Нам нужно по-новому взглянуть на цепочки поставок. Мы должны быть уверены, что исследования, проводимые в частном секторе, также принимаются во внимание. Я вхожу в совет FIND, Фонда инновационной диагностики, и значительная часть исследований в области диагностики проводится в частном секторе. Вспомните Индию, где большая часть исследований вакцин проводится частными компаниями. Так что, если можно так выразиться, все очень неоднозначно, и это должно, по мере нашей деколонизации, предоставить исследователям Глобального Юга фантастические новые возможности остаться в своих странах, вернуться в свои страны, диаспоры здесь невероятно важны, и я знаю некоторых коллег, работающих на Глобальном Севере, которые регулярно возвращаются в страны происхождения и проводят там несколько месяцев для обучения молодых ученых. Итак, это одна сторона картины. Другая сторона картины, которую можно было бы обсудить более подробно, на самом деле заключается в обмене знаниями. И мы видим, что по мере того, как здравоохранение становится все более геополитическим, обмен результатами здравоохранения и результатами исследований приобретает все более политический характер. Это оказывает огромное экономическое влияние. Просто подумайте о всей прибыли, полученной от производства вакцин. Подумайте, насколько важно производство вакцин для экономики Индии. На самом деле мы видим, что, поскольку наука и исследования становятся частью глобальной конкуренции, делиться информацией о сотрудничестве, о которой мы говорили ранее, на самом деле может стать сложнее. Таким образом, речь идет не только об интеллектуальной собственности, но и о целом процессе разработки, когда люди больше не хотят делиться тем, чем раньше, и в результате происходит секьюритизация науки и исследований, а в некоторых случаях, в худшем случае, превращение их в оружие. Вот почему так опасно снова развязывать мир, как это происходит сейчас, на блоки, где научный суверенитет оказывается странным образом, а сотрудничество фактически прекращается. Как мы видели, во время COVID мы видели, как страны не делились данными, мы видели, как страны не делились результатами своих исследований. И это плохо для всех.

Garry Aslanyan [00:24:54] Аида, что происходит, скажем, если взять Доминиканскую Республику, и на национальном уровне, прилагаются ли какие-либо усилия в том, что упомянула Илона, с точки зрения институционального потенциала, научной дипломатии, и что, по-вашему, требуется? Поделитесь этим с нашими слушателями, пожалуйста.

Aída Mencía Ripley [00:25:13] Наша национальная программа грантов очень четко предусматривает включение ученых из диаспоры и диаспоры в наши национальные схемы финансирования. Таким образом, они фактически разработали конкретные механизмы, с помощью которых можно расширить это сотрудничество и включить его в национальные гранты. Эта национальная система грантов всегда была очень заинтересована в подключении и смогла разработать определенные стратегии для достижения этой цели. Я думаю, что учреждения, академические учреждения все больше осознают это. Я думаю, что COVID-19 только что выдвинул на первый план необходимость расширения научной дипломатии, но я думаю, что на национальном уровне, возможно, в политике научной дипломатии, некоторые исследования показывают, что, особенно в Центральной Америке и Карибском бассейне, существует такая неоднородность между странами, и некоторые страны занимаются научной

дипломатией на министерском уровне, в то время как другие имеют разные департаменты в разных министерствах, поэтому роли и функции во многом совпадают, поэтому я думаю, что это своего рода организованный подход сделать это означало бы национальную научную дипломатию политика, в которой роли и ожидания понятны для всех. Думаю, мы постепенно движемся к этому. То, что наша национальная грантовая программа уделяет приоритетное внимание научной дипломатии, является очень, очень хорошим знаком. Думаю, мы скоро туда доберемся.

Garry Aslanyan [00:26:33] Возможно, последнее слово. Начну с Илоны. Вы оптимистично или пессимистично смотрите на будущее глобального сотрудничества и/или научной дипломатии?

Iona Kickbusch [00:26:45] На этот вопрос очень сложно ответить, Гарри. Думаю, мы находимся на переломном этапе. Мир изменился. Из-за COVID мир изменился. Но мир также изменился, потому что голос Глобального Юга, если можно так выразиться, намного сильнее. Если вы посмотрите на повестку дня, например, индийской «Группы двадцати», за которой последуют «Группа двадцати» в Бразилии, а затем «Группа двадцати» в Южной Африке, мы увидим феноменальные изменения в расстановке приоритетов в глобальном здравоохранении и глобальном научном сотрудничестве, потому что все эти три страны со средним уровнем дохода, если я их так называю, занимают центральное место в исследованиях и науке и являются лидерами в своей области. В смысле, просто вспомните Фиокуза в Бразилии. Я имею в виду невероятный опыт. Вспомните индийские университеты. Вспомните Южную Африку как раз во время пандемии коронавируса в виде пожертвований, которые они сделали, а затем были наказаны. Это изменит правила игры. Так что, глядя на это, я настроен оптимистично. Меня беспокоят некоторые события на Глобальном Севере, потому что мы не знаем, как будет развиваться американская политика в ближайшие четыре года. Как я уже отметил, меня беспокоит крайняя конкуренция с Китаем, и здесь Европе также придется занять свою позицию. И научная дипломатия и научное сотрудничество здесь будут действительно ключевыми вопросами, потому что если вспомнить прошлое времен холодной войны, ученые собирались вместе, хотя политики и дипломаты этого не делали, но теперь мы увидим, что, поскольку наука в определенной степени секьюритизирована, наладить научное сотрудничество будет сложно, если мы начнем создавать новые блоки, которые не будут работать друг с другом. И, конечно, российское вторжение в Украину привело к тому, что российская наука в настоящее время отрезана от международного сотрудничества. Поэтому я думаю, что у стран Глобального Юга есть основания для оптимизма, и мы станем свидетелями изменений в системе. Я в этом абсолютно уверена. Но я вижу и другие опасности, носящие более масштабный геополитический характер, которые также могут оказать существенное и негативное влияние на научную и медицинскую дипломатию.

Aída Mencía Ripley [00:29:36] Я полностью согласен с Илоной. Думаю, то, что мы наблюдаем на Глобальном Юге, вселяет оптимизм. Думаю, в конце концов, если вы занимаетесь такой научной деятельностью, то это потому, что вы испытываете такой упрямый оптимизм в отношении того, что люди двигаются вперед и двигаются вперед вместе. Думаю, это своего рода наша ДНК, и поэтому мы этим занимаемся. Но я думаю, что все эти макрогеополитические проблемы, о которых упоминала Илона, конечно, должны смягчить этот оптимизм. На мой взгляд, в учебном заведении в одной из стран Глобального Юга мы стали свидетелями очень быстрого развития взаимодействия университетов с государственной политикой и международными партнерами во время пандемии коронавируса. Меня беспокоит, что сейчас мы стали относиться к этому довольно слабо. Таким образом, COVID уже не представляет угрозы, как раньше, и мы совершаем ошибку, не продолжая эти усилия. Поэтому я думаю, что нам нужно использовать эту установленную мощь и продолжать наращивать ее.

Garry Aslanyan [00:30:41] Спасибо Аиде, спасибо Илоне за эту замечательную беседу, и я уверена, что мы будем следить за этой областью, работая над достижением поставленных глобальных целей в области здравоохранения. Спасибо, что присоединились к нам сегодня.

Iiona Kickbusch [00:30:54] Спасибо большое, что пригласили нас.

Aída Mencía Ripley [00:30:56] Спасибо, что пригласили нас.

Garry Aslanyan [00:31:01] Илона и Аида обратили внимание на несколько важных аспектов научной дипломатии в сфере глобального здравоохранения, которые мы должны рассмотреть. Во-первых, после пандемии важно восстановить доверие общественности к науке и разработке политики. Один из способов достижения этой цели заключается в улучшении понимания науки дипломатами и политиками. Во-вторых, укрепление прочных отношений и хорошего диалога между учеными и дипломатами может оказать влияние на национальном уровне. И в-третьих, сотрудничество между Севером и Югом способствует научному прогрессу, а налаживание сотрудничества по линии Юг-Юг играет ключевую роль в наших усилиях по деколонизации глобального здравоохранения. Прежде чем мы закончим эту серию, давайте послушаем сообщение, которое я получила от Зульфеи из Таджикистана.

Zulfeya (Tajikistan) [00:31:53] Когда я познакомилась с доктором Гарри Асланяном, я поняла, что он замечательный человек, фантастический ведущий подкаста Global Health Matters и подкаста, в котором доктор Гарри поднимает многие вопросы общественного здравоохранения. Мне нравится его простая и понятная речь. Для меня, эпидемиолога из Таджикистана, это очень важно. Расшифровки на русском языке помогают мне находить недостающие сообщения. Для меня подкаст Global Health Matters — это прекрасная возможность поучиться у преданных своему делу людей, изменить свое мнение и начать действовать. Спасибо, доктор Гарри.

Garry Aslanyan [00:32:35] Спасибо, Зульфея, и спасибо всем нашим слушателям за постоянную поддержку этого подкаста. Чтобы узнать больше об обсуждаемых сегодня темах, посетите веб-страницу серии, где вы найдете дополнительные материалы для чтения, примечания к шоу и переводы. Не забудьте связаться с нами в социальных сетях, по электронной почте или поделиться своим мнением об этом эпизоде.

Elisabetta Dessi [00:33:02] Global Health Matters разрабатывается TDR, исследовательской программой по инфекционным заболеваниям, базирующейся во Всемирной организации здравоохранения. Гарри Асланян, Линди Ван Никерк и Маки Китамура являются продюсерами контента, а Обадия Джордж — техническим продюсером. Этот подкаст также стал возможным при поддержке Криса Коза, Элизабет Десси, Изабелы Судер-Даяо, Норин О'Галлахер и Chembe Collaborative. Цель Global Health Matters — создать форум для обмена мнениями по ключевым вопросам, влияющим на глобальные исследования в области здравоохранения. Присылайте нам свои комментарии и предложения по электронной почте или голосовому сообщению на адрес TDRpod@who.int и обязательно загружайте и подписывайтесь везде, где вы получаете свои подкасты. Спасибо, что выслушали.